

А. П. ФЕОКТИСТОВ (Москва)

К ИЗУЧЕНИЮ ФИННО-УГОРСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Хронология финно-угорских письменных памятников открывается XI веком н. э. Первые источники с финно-угорским языковым материалом представляют собой отдельные слова в греческих и латинских текстах и исторических документах. Один из наиболее ранних письменных памятников, в котором встречаются венгерские слова, — грамота об учреждении Тиханьского аббатства (1055 г.). Первый связный текст на венгерском же языке «Halotti beszéd és könyörgés» написан примерно в 1200 г.² Первые памятники письменности финского языка относятся к XIII—XIV вв. Они также представляют собой лишь отдельные слова, местные и собственные имена. Более обширные тексты на финском языке сохранились от конца XV и начала XVI вв.³ Примерно к этому же времени относятся и первые письменные памятники эстонского языка.⁴ XIII веком датируются берестяные грамоты на карельском языке.⁵ Во второй половине XIV в. Степаном Храпом была создана специальная азбука для пермян и переведены на древнепермский язык некоторые церковные книги.⁶ Наиболее ранний печатный источник с мордовским лексическим материалом относится к концу XVII в.⁷ Первые письменные памятники на других финно-угорских языках (марийском, удмуртском, обско-угорских), по имеющимся сведениям, восходят уже к XVIII в.⁸

В финно-угроведении придается важное значение историко-лингвистическому исследованию текстов памятников письменности. Особенно значительных результатов в этом отношении достигли специалисты по истории письменности венгерского языка, а также финского, эстонского и древнепермского. Некоторое оживление наблюдается за последнее время и в работе текстологов по другим финно-угорским языкам — удмуртскому и марийскому, обско-угорским и мордовским. Об этом свидетельствуют ежегодные публикации, пополняющие общий перечень работ по истории письменности финно-угорских народов.

И тем не менее нельзя не констатировать, что значительная часть памятников письменности на отдельных финно-угорских языках все еще не введена в широкий оборот науки, а многих рукописных источников не касалась и рука специалиста-текстолога. Слабо изученными остаются, например, памятники мордовской письменности. Далеко не достаточно исследованы в лингвистическом аспекте и письменные памятники на марийском, удмуртском и некоторых других финно-угорских языках. Очевидно, именно это обстоятельство вплоть до последних лет позволяло отдельным авторам занимать негативную позицию при оценке дореволюционного этапа развития письмен-

¹ С докладом на эту тему автор выступил на XII Всесоюзной конференции финно-угроведов в г. Ижевске, июнь 1967 г.

² См. И. Балаша, Венгерский язык, Москва 1951, стр. 18.

³ См. Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I. Фонетика и морфология, Москва 1953, стр. 29 и 293.

⁴ A. Kask, Ulevaade eesti leksikograafiaist 1917. aastani. — KKIU 1956, стр. 140; A. Vinkel, Eesti rahvagaamat, Tallinn 1966, стр. 15.

⁵ Ю. С. Елисеев, Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков. — Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. XVIII, вып. 1, 1959, стр. 65—72; J. S. Jelisejev, Itämerensuomalaisia kielenmuistomerkkejä. — Vir. 1966, стр. 296—304.

⁶ В. И. Лыткин, Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика и словарь, Москва 1952.

⁷ А. Феоктистов, Esimene mordva sõnastik. — ESA V 1959, стр. 268—287.

⁸ Т. И. Тепляшина, Памятники удмуртской письменности XVIII века, вып. первый, Москва 1965; С. И. Эман, Дореволюционные письменные памятники на марийском языке. — Труды МарНИИ, вып. I, Козмодемьянск 1939, стр. 42—62; Я. Гуя, Древнемарийские диалекты. — Congressus internationalis fenno-ugristarum Budapestini habitus 20—24. IX. 1960, Budapest 1963, стр. 172—175.

ности у ряда финно-угорских народов. Лингвистическому изучению памятников прошлых столетий еще больше препятствовала тенденция огульного отрицания научной ценности языкового материала, содержащегося в письменных источниках дореволюционного периода; тенденция эта наметилась, например, в марийской, мордовской, удмуртской филологии с середины 30-х годов. В работах тех лет лингвистический анализ письменных текстов обычно подменялся общими рассуждениями, не имеющими прямого отношения к целям источниковедения и тем более к задачам изучения истории языка, на котором были созданы те или иные памятники.

Большинство памятников марийской, мордовской, обско-угорской и удмуртской письменности осталось в рукописном виде, ряд текстов уже, по-видимому, бесследно утерян, и лишь очень небольшая часть была опубликована. Исчезли не только рукописные тексты, но и отдельные книги, об издании которых упоминают архивные документы.

Некоторые дореволюционные книги и брошюры на финно-угорских языках уже давно стали библиографической редкостью, сохранившись буквально в единичных экземплярах. Поэтому часто даже филологи знают далеко не обо всех печатных изданиях дореволюционного периода. И почти полному забвению преданы многочисленные рукописи на этих языках, рассредоточенные в архивах СССР.

Систематическое исследование памятников письменности, созданных задолго до установления норм современных марийского, удмуртского, мордовских и других так наз. младописьменных литературных языков финно-угорских народов, имеет не только историко-филологическое, но и несомненное лингвистическое значение. Ярким подтверждением этого служат наблюдения венгерского языковеда Яноша Гуя по мансийскому языку. В 1955—1957 гг. Я. Гуя проводил изыскания в архивах нашей страны. В ходе работы ему удалось найти словники, содержащие около 20 тысяч данных о языке манси XVIII в. Уже первичное ознакомление с собранным материалом позволило ученому констатировать, что происходит он из 25 населенных пунктов и что эти пункты занимали более обширную диалектную территорию, чем во время экспедиций А. Регули, Б. Мункачи и А. Каннисто (XIX в. — первая четверть XX в.). Обработав архивный материал методом сравнительно-исторического анализа, Я. Гуя сделал некоторые выводы. По его мнению, состояние отдельных согласных и сочетаний согласных в мансийских диалектах XVIII в. в основном соответствует их звуковому состоянию в диалектах начала XX в. и настоящего времени. Система вокализма отдельных диалектов в XVIII столетии была более единой, чем на пороге XX в. и в настоящее время. Она стояла значительно ближе к составу гласных прамансийского языка. Теперьшней раздробленности западных и частично восточных говоров в XVIII в. еще не существовало. Конечные гласные в XVIII в. в большинстве случаев были нижнего подъема, в меньшинстве же — верхнего. Процесс исчезновения конечных гласных на территории среднемансийских диалектов начался приблизительно в XV—XVI вв. В некоторых отдельных позициях конечные гласные сохранились спорадически до сих пор.⁹

Надо отметить, что установленная Я. Гуя хронология изменений в мансийских финальных гласных в общем соответствует началу таких же преобразований в мордовском слове. Как известно, процесс разрушения исхода слова в мокша-мордовском языке привел к более радикальным последствиям, чем в эрзя-мордовском: ср. эрз. *kudo* ~ мокш. *kud* 'дом', эрз. *užere* ~ мокш. *užar* 'топор', эрз. *jakštere* ~ мокш. *jakštär* 'красный' и т. п. Однако в одном печатном источнике конца XVII в. с материалом на мокшанском языке¹⁰ встречаются написания: *kala* 'рыба', *tosero* 'пшеница', *pisime* 'дождь', отражающие в старомокшанском языке XVII в. финальные *a*, *o*, *e*. В современном мокшанском языке эти гласные в приведенных словах уже не представлены: *kal*, *tožar*, *pižam*. В родственных же языках в ауслауте этих слов *a*, *o*, *e* сохранились без изменений: фин., эст. *kala* 'рыба', эрз. *tožuro* 'пшеница', *pižeme* 'дождь'. Примечательно, что и в современном мокшанском языке все еще наблюдаются

⁹ Я. Гуя, указ. раб.

¹⁰ N. Witsen, Noord en oost Tartarye etc., Amsterdam 1692, стр. 412—417.

диалектальные колебания типа: *mora ~ morā ~ mor* 'песня', *viřsa ~ viřasa* 'в лесу', *viřt ~ viřat* 'леса' и т. д. Все эти данные свидетельствуют о том, что выпадение гласных в исходе слова в мордовских языках, как и в мансийском, могло начаться незадолго до XVII в.

Дореволюционные памятники письменности, составленные на различных диалектах финно-угорских языков, содержат уникальные материалы, которые теперь оказываются единственным источником изучения сложнейших и, надо заметить, пока еще очень мало исследованных вопросов исторической диалектологии. Как уже неоднократно отмечалось в литературе¹¹, некоторые памятники письменности были составлены на таких диалектах, которые уже не представлены на диалектологической карте соответствующих финно-угорских языков. К такому мнению начинает склоняться и автор этих строк относительно диалектной основы некоторых мордовских памятников и, в частности, мордовской части известного рукописного «Словаря языков разных народов» Дамаскина (1785 г.). Дело в том, что неоднократные попытки наложить показания мордовской части этого памятника на фонетическую, морфологическую и лексическую систему какого-нибудь современного эрзя-мордовского диалекта пока что к положительному результату не привели. Однако утверждать категорически, что диалект, на котором был составлен словарь, уже больше не существует на всей мордовской языковой территории правомерно будет только тогда, когда диалектологам удастся установить кардинальные особенности всех современных мордовских диалектов с их мельчайшими подразделениями — говорами, подговорами и т. п. Вообще надо подчеркнуть, что в исследованиях по исторической диалектологии для оценок подобного рода решающее значение имеет степень изученности современных говоров: чем полнее исследованы говоры данного языка, тем надежнее будут выводы о диалектной соотнесенности текстов памятников письменности на данном финно-угорском языке.

Представляется, что в области изучения истории письменности финно-угорских народов необходимо всемерно форсировать поиски еще не известных в науке памятников. После целенаправленных и фронтальных изысканий в архивах и отделах редкой книги библиотек СССР и других стран можно будет приступить к составлению справочников и аннотированных каталогов рукописей и произведений печати на всех финно-угорских языках. В свою очередь, такие каталоги стали бы надежной базой при создании вузовских хрестоматий и курсов по истории письменности на отдельных языках финно-угорской семьи. Наконец, вся эта пропедевтика открыла бы путь к более углубленным исследованиям в специальных разделах финно-угроведения.

В рамках небольшой статьи нет возможности детально обсудить принципы составления хрестоматий по истории языка. Некоторые принципы включения и анализа письменных памятников в хрестоматиях и аннотированных каталогах предложены нами в работе «Истоки мордовской письменности» (Москва 1968), в которой удалось зарегистрировать 30 рукописных источников XVIII в., полностью или частично составленных на мордовском языке.

По содержанию мордовские рукописи XVIII в. распределяются на словарные и текстовые. Объем словарных источников в одних случаях ограничивается всего лишь несколькими десятками лексических единиц, но другие памятники мордовской лексикографии XVIII в. включают по несколько тысяч словарных статей. Текстовые записи, имеющие по сравнению со словарными несомненно большую ценность для истории языка, являются переводными. В XVIII в. на мордовские языки был переведен ряд произведений церковной литературы (катехизис, священная история и т. п.). Качество переводов в целом невысокое. Чаще всего осуществлялись буквальные переводы. Такая практика переводов слово в слово породила массу лексических и синтаксических калек, часть которых впоследствии могла закрепиться и в устной мордовской речи.

¹¹ См., например, Р. М. Баталова, Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII — первой половины XIX веков. — Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3, Москва 1965, стр. 110; А. Kannisto, Ein wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen dialekts in den papieren M. A. Castréns. — JSFOU XXX,₈ 1913—18.

Что касается мордовских рукописей XIX в., то поиски их еще далеко не завершены. По сведениям, которыми мы располагаем, рукописи этого столетия составляют не менее 200 названий.

Количество печатных произведений XVIII в. с мордовским языковым материалом, по нашим также неполным сведениям, приближается к сотне названий.

Печатная продукция XIX в. на мордовских языках по своему объему в несколько раз превышает все рукописное и печатное наследие XVIII в. Здесь уместно сослаться на работу чувашского языковеда Н. П. Петрова¹², который отметил, что только за время с 1872 г. по 1917 г. на чувашском языке вышло 675 названий книг. Таким образом, можно допустить, что и на других языках поволжских народов (нас интересуют только финно-угорские языки: мордовские, удмуртский, марийский) объем печатной продукции приближался к указанной цифре. Однако точных сведений об этом мы не имеем. Отсюда вытекает, что составление аннотированных каталогов и хрестоматий необходимо и по истории письменности XIX в., причем не только на мордовских языках, но и марийском, удмуртском и др.

A. P. FEOKTISTOV (Moscow)

ON THE STUDY OF SPECIMENS OF FINNO-UGRIC LANGUAGES

A large number of literary specimens of various Finno-Ugric languages have not yet been subjected to linguistic investigation. The old literary texts in Mordvinian, Mari, Udmurt and other Finno-Ugric languages have been but superficially investigated from the linguistic point of view. However, the study of specimens written long before the standardization of modern Mari, Mordvinian, Udmurt and other Finno-Ugric languages is of importance not only for history and philology, but also for linguistic theory in general. The present article contains a number of illustrations supporting the above thesis.

The author considers the search for yet unknown literary texts as well as the compilation of summary annotated catalogues of manuscripts and printed works in all the Finno-Ugric languages to be a task of paramount importance.

DIE FINNISCH-UGRISCHE PHILOLOGIE AN DER STAATLICHEN UNIVERSITÄT LENINGRAD

Im vorrevolutionären Rußland waren es nur einige wenige Gelehrte, die sich mit dem Studium der finnisch-ugrischen Sprachen befaßten. Sie wirkten hauptsächlich an der Akademie der Wissenschaften in Petersburg (A. Sjögren, F. J. Wiedemann) und an der Kasaner Universität (M. Veske, N. Anderson). Sie haben viele Werke geschrieben, die ihre wissenschaftliche Bedeutung bis heute nicht eingebüßt haben. Doch eine systematische Ausbildung von Fachkräften auf diesem Gebiet kam damals überhaupt nicht in Frage. Die finnisch-ugrischen Sprachen wurden zwar an der Kasaner Universität unterrichtet, doch

war der Unterricht dort fakultativ und wurde nur unregelmäßig abgehalten. Die einzige Ausnahme aus dieser allgemeinen Regel bildete die Tartuer Universität in Estland, wo seit 1803 die estnische Sprache unterrichtet wurde und wo die Gelehrte Estnische Gesellschaft die estnischen Philologen vereinigte. Zu Beginn des 20. Jahrhunderts haben fortschrittliche russische Gelehrte wiederholt gefordert, daß an russischen Universitäten Lehrstühle für finnisch-ugrische Philologie geschaffen werden sollen; jedoch blieben diese Forderungen unberücksichtigt.

Nach der Großen Sozialistischen Okto-

¹² Н. П. Петров, Из истории становления прозаических стилей чувашского литературного языка. — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. XXVII, Чебоксары 1964, стр. 146—160.